

Анна Данилова

ПИАНИНО ДЛЯ
ГОСПОДИНА Ш.

«Все четыре пианино представляли собой рассохшиеся, позеленевшие от влаги деревянные ящики. Гробы»

Анна Данилова

**Пианино для господина Ш.
«Все четыре пианино
представляли собой рассохшиеся,
позеленевшие от влаги
деревянные ящики. Гробы»**

«Издательские решения»

Данилова А.

Пианино для господина Ш. «Все четыре пианино представляли собой разошедшиеся, позеленевшие от влаги деревянные ящики. Гробы» / А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833279-1

Кто этот таинственный господин Ш.? История крутится вокруг старинных пианино, словно в них заперт сам дьявол... Или дьяволица?

ISBN 978-5-44-833279-1

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Пианино для господина Ш.
«Все четыре пианино представляли
собой разохшиеся, позеленевшие
от влаги деревянные ящики. Гробы»
Анна Данилова**

© Анна Данилова, 2016

© Анна Данилова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-3279-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ДЯДЯ

Вот уже целую неделю Валентина жила как в дурмане. Она просыпалась с радостным чувством и засыпала, чуть не плача от счастья. Она теперь не одна. Теперь у нее есть человек, на которого она сможет положиться в трудную минуту, который защитит ее и будет о ней заботиться и которому она тоже посвятит часть своей жизни. Пока он не умрет. Да, это решено.

Она открыла глаза и зажмурилась от яркого света. Последний день она живет в этой большой комнате с шестью такими же воспитанницами. Они спят, и сны их вот уже целую неделю отличаются от снов Валентины. Наташке снится кондитерская, та, что открылась пару месяцев тому назад на углу, за интернатом; Таньке – Валерка, с которым она и наяву-то целуется у всех на виду, поэтому нетрудно представить, что они позволяют себе во сне; Маринка продолжает летать над городом, «без крыльев и мотора», распластав руки и чувствуя, как она говорит, «животом тугой ветер». А остальные почему-то вообще не видят снов. Несчастные. А вот Валентине снится незнакомый город с розовыми домами, белыми деревьями и голубыми осликами на узких улочках. Странные сны. Какие-то детские, а ведь она уже выросла. Она превратилась в маленькую женщину со своими желаниями и понятиями. Сегодня в интернате выпускной вечер. Валентине вручат аттестат об окончании десятилетки. И уже сегодня она проведет ночь у своего дяди, в прекрасной квартире, которая, по его словам, станет и ее квартирой.

Она снова закрыла глаза и в которой уже раз начала припоминать подробности того дня, когда Лариса Дмитриевна, воспитательница, зашла в спальню, где девочки приводили себя в порядок после бани, и сказала, странно посмотрев на Валентину: «Валя, там к тебе пришли...» И в спальне сразу стало тихо. Все знали, что у Валентины нет никого. Что она – единственная в интернате «чистая сирота», то есть у нее нет ни отца, ни матери. Больше того – она никогда их и не знала. Еще маленькой девочкой ее дразнили в детском доме подкидышем. Сначала она не понимала значения этого слова, затем, когда подросла, стала драться, защищая свое достоинство кулаками, а став еще взрослее, вообще перестала реагировать на подобные вещи. Главное, что она есть, что она здорова и от природы красива. Она сама побеспокоится о себе, выучится и будет работать. Как все. И многого добьется. В этом она была уверена. И вдруг это: «Валя, там к тебе пришли...» Кто? Ее мир до этого дня ограничивался интернатскими стенами, редкими выходами за его территорию в город, на танцы в Дом офицеров и в кондитерскую на углу. Кто же к ней мог прийти? Вадим, с которым она познакомилась на танцах и который провожал ее поздно вечером в интернат и помогал влезать в окно? Нет. Он ни за что бы не обратился к Ларисе Дмитриевне, чтобы вызвать ее. Он просто стоял бы у ворот до тех пор, пока не увидел ее.

Валентина шла по длинному, устланному вытертой ковровой дорожкой коридору за воспитательницей и старалась вообще ни о чем не думать. Она никогда не тешила себя надеждой найти своих родителей и знала только одно – они погибли в автомобильной катастрофе шестнадцать лет назад. В машине, кроме двух обезображенных трупов мужчины и женщины, не нашли ни единого документа, по которому было бы возможно установить их личности; номера же самой машины, в результате катастрофы почти сгоревшей в овраге за городом, оказались фальшивыми. Поэтому новорожденную девочку, чудом оставшуюся в живых и плачущую в кустах неподалеку от дымящихся обломков, через неделю после больницы определили в детский дом.

Несколько месяцев ждали, что объявятся родственники и заберут ребенка. Но шло время, никто не приходил. Девочку назвали Валентиной, дали ей фамилию Кострова и тем самым словно обрубали последнюю нить, связывающую ее со своими родителями, со своим происхождением.

Лариса Дмитриевна остановилась и внимательно посмотрела на Валентину:

– Послушай, Валя, приехал человек, который назвался твоим дядей. Он узнал тебя по телевизору... вот так-то вот...

– Как это? – не поняла Валентина, хотя по телевизору ее действительно показывали, правда, всего лишь один раз, когда она пела на концерте, посвященном Восьмому марта, на городской площади. – Как он меня мог узнать? Я не понимаю.

– Он знал твою мать. Родионов Сергей Иванович – родной брат твоей матери, Родионовой Елены Ивановны, а по мужу – Жуковой. Он ждет тебя в моем кабинете.

– Но ведь концерт показывали по телевизору в конце марта, почему же он так долго не приходил? – Валентина говорила взволнованно, ей действительно было непонятно, как же можно было так долго ждать, если он узнал свою племянницу.

– Он и пришел в конце марта. Но мы не хотели травмировать тебя, пока не выяснили, действительно ли он тот, за кого себя выдает. Но два дня тому назад нам пришел ответ... не важно откуда. Так вот, Жукова Елена Ивановна и Жуков Валентин Сергеевич действительно погибли шестнадцать лет назад в автомобильной катастрофе. Хотя непонятно, почему об этом не сообщили нам, ведь тех людей так никто и не хватился. Но он приносил фотографии, на которых есть и твоя мать. Вы с ней удивительно похожи. Вот почему он здесь именно сегодня. Он ждет тебя. Постарайся взять себя в руки. Не знаю, как сложатся ваши отношения, но я, если честно, обрадовалась тому, что ты теперь не одна. Человек он, чисто внешне, очень приятный. Занимает в городе высокую должность. Кто знает, может, он поможет тебе поступить в университет. Ведь ты должна учиться. Ты знаешь, как я была против того, чтобы ты работала в ресторане. Ну все, иди. Не спеши с выводами. У тебя будет время познакомиться с ним поближе. Целая неделя. А потом... Потом ты или переедешь к нему (как он этого хочет), или поселишься в нашем общежитии.

Мужчина встал и пошел ей навстречу. Высокий, худощавый и седой. В серых фланелевых брюках и белой рубашке. На загорелом лице светятся серо-голубые глаза, чуть удлиненные, с тяжелыми веками, и резко выделяются белые зубы, ровные, как у голливудской кинозвезды.

– Здравствуй, Валентина. – Он взял ее ледяные пальцы в свою горячую сухую ладонь и сжал их. Сильно, почти до боли. Но она не издала ни звука. Затем, обращаясь к воспитательнице, произнес: – Вы позволите нам поговорить?

И по тому тону, каким это было сказано, Валентина поняла, что он хочет ее увести поскорее из этих стен, что ему есть что сказать ей. Она покрылась мурашками. Все происходило как в тумане. Словно во сне. Она не помнила, как они вышли из интерната. Но уже в машине ее начало трясти. Она вообще испытывала какой-то страх перед машинами, тем более перед такими роскошными, как та, в которую они сели с ее дядей.

– И куда же мы едем? – спросила девушка, чувствуя, как замерзает, хотя на улице стояла легкая июньская жара. – И вообще, почему вы молчите?

– Потому что волнуюсь. Они не давали мне встретиться с тобой раньше, так как не были уверены, что ты действительно моя племянница. Но сейчас ты увидишь фотографии своей мамы, моей сестры Леночки, и сразу все поймешь.

– Так мы едем к вам домой?

– Да. Только теперь это будет и твой дом. Зови меня Сергеем. Или, если тебе трудно, Сергеем Ивановичем. – Он резко затормозил, повернул к ней лицо, и она увидела, что в его глазах стоят слезы. – Можно я поцелую тебя?

Она отпрянула, но он взял ее руку и поцеловал.

– Не бойся меня. Я хочу тебе только добра.

Он жил один, в большом доме, на каждом этаже которого находилось по одной квартире. Валентине рассказывали про такие дома. Их было всего несколько в городе, и там жили в основном семьи бывших партийных бонз, представителей администрации, генералов.

Желтый паркет, светлые ковры, старинная мебель, тишина и запах... запах нормального человеческого жилья. В интернате всегда пахло уборными. Этот запах настолько преследовал Валентину, что она никогда не упускала возможности истребить его хотя бы в спальне: покупала разные хвойные или фруктовые ароматизаторы, старалась почаще открывать форточку. Но здесь пахло сухим деревом, какой-то сладковатой горчинкой и еще чем-то, напоминающим лимон или персик.

– Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Взяв девочку за руку, Сергей Иванович повел ее по длинному коридору, в котором стояли спортивный велосипед, велотренажер и даже небольшой спортивный комплекс, и остановился перед дверью. Валентина оглянулась и вдруг поняла, что он хочет от нее. Кивнула и нажала на ручку двери. Дверь открылась, и Валентина увидела большую комнату с письменным столом, двумя креслами, книжным шкафом, телевизором с огромным экраном, еще какой-то аппаратурой и толстым красным ковром посередине.

– А где же кровать?

– В спальне, где же еще. А здесь ты будешь принимать своих гостей, заниматься, отдыхать. Диван я уже заказал, но мне бы хотелось прежде показать тебе его в каталоге. Мне хочется, чтобы он тебе понравился.

– Сергей Иванович, мне кажется, что я сейчас сойду с ума. Со мной нельзя так. – У нее застучали зубы, и она почувствовала тошноту. Ее организм физически не был готов к таким переменам. – Отвезите меня, пожалуйста, назад. У меня кружится голова, я не готова... Я не знаю, что со мной.

– Ничего особенного, просто ты волнуешься, вот и все. Пойдем на кухню, сейчас я тебя покормлю, а потом мы с тобой поговорим, хорошо?

Она послушно кивнула.

Кухня была большая, в ней кроме плиты и прочей необходимой кухонной мебели стояли большой диван и стол, накрытый на двоих. Родионов достал из холодильника несколько салатниц, прикрытых фольгой, шампанское, бутылки с соками, вазу с фруктами.

– Отбивные сейчас подогреются, а мы с тобой пока выпьем, хорошо? Ведь ты уже большая девочка и имеешь право на бокал шампанского. – Он усадил ее на стул, налил вина в два фужера, и глаза его снова увлажнились. – Если бы ты только знала, как я счастлив, что вижу тебя, что ты сейчас здесь, со мной... Ты говоришь, что волнуешься, а я, думаю, не волнуюсь? Ты удивительно похожа на свою мать. Словно ты – это она.

– Тогда расскажите мне, как погибли мои родители. Ведь я же ничего толком не знаю. Их нашли, кажется, в овраге, за городом... В машине с фальшивыми номерами. Я пыталась узнать, где их похоронили, но мне сказали, что... Словом, их личности так и не установили и поэтому похоронили на окраине кладбища, в могиле для бродяг. Это правда? Но почему же вы не искали их? Как же так могло случиться?

– Очень просто. Они должны были уехать в Крым. Я сам помогал им укладывать вещи, посадил их в машину... А вечером этого же дня меня вызвали на совещание, с которого я спешно должен был вылететь в Москву. Срочные дела, касающиеся предстоящей командировки в Индию. Меня не было приблизительно около недели. Когда я вернулся из Москвы, на меня навалилось столько хлопот в связи с этой Индией, что мне даже в голову не пришло позвонить твоим родителям в Евпаторию. А ведь я мог, потому что знал, что они останутся у Кропоткиных.

– Значит, вы уехали в Индию, так и не узнав, что они погибли?

– Да.

– Но неужели у них не было друзей, знакомых, которые бы, услышав о трагическом происшествии, не пришли опознать их?... Может, я что-то недопонимаю?

– Нет, ты рассуждаешь вполне здраво. Но дело в том, что твои родители выехали на белой «Волге», а в овраге нашли черную «Волгу», причем с очень странными номерами. Понимаешь, ты уже взрослая и имеешь право знать. Валя, эта машина принадлежала, как выяснилось позже, одному человеку, который разыскивался за убийство. Но его в машине не оказалось. Зато в квартире твоих родителей нашли много отпечатков его пальцев, а это говорило о том, что они были знакомы. Словом, это запутанная и очень странная история. Даже сам факт, что ты осталась жива и тебя нашли в кустах неподалеку от горящей машины, навевает мысли о чуде, о существовании потусторонних сил, которые спасли тебя.

– А мне кажется странным другое. То, что меня в месячном возрасте повезли в Евпаторию. Какая нормальная мать рискнет совершить столь далекое путешествие с грудным ребенком на руках?

Сергей Иванович посмотрел на нее с восхищением:

– Разумно, ничего не скажешь, но просто надо знать Лену... Она считала, что ничего особенного в этом нет. Она кормила тебя грудью, у нее было много молока, машина была совершенно новой, поэтому они надеялись доехать до места без происшествий.

– А почему же они не полетели, скажем, на самолете? – не унималась Валентина, которая никак не могла взять в толк, зачем понадобилось ее родителям вообще срываться с места, когда ребенка, то есть ей, Валентине, было всего-то ничего, месяц.

– Потому что Лена боялась самолетов. И кроме того, твой отец работал заместителем директора одного военного завода и практически не бывал дома. А тут появилась возможность побыть вдвоем. Ведь если бы они не уехали, Валентина через пару дней снова вызвали бы на работу, там как раз завезли новое оборудование.

– Как странно, что моего отца звали так же, как и меня. Удивительно. Но почему они погибли? Как оказались в черной «Волге»? Почему вы этим не интересовались, не расследовали. Ведь вы же не последний человек, раз живете в таком доме. Вы должны были настоять на том, чтобы все выяснить.

– Понимаешь, Валечка, когда я вернулся, то было слишком поздно даже для того, чтобы хотя бы выяснить, они ли погибли. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Нет. – Валентина вспотела от волнения и теперь пила шампанское механически, делая глоток за глотком. – Вы хотите сказать, что это могли быть не они?...

– Этого никто не может сказать. Но потом-то я позвонил в Евпаторию, и мне сказали, что они не приезжали. И ты... Ведь тебя тоже нашли там же, неподалеку. А то, что это была именно ты, я нисколько не сомневаюсь, во всяком случае, теперь.

– Вы противоречите сами себе. Ведь если в квартире моих родителей нашли отпечатки пальцев того убийцы, в машине которого погибли мои родители, то значит, в прокуратуре знали, чей я ребенок! Тогда почему же ничего не рассказали вам? Почему мне дали фамилию Кострова, а не Жукова? И почему меня до сих пор не нашли? – Она ничего не понимала.

Сергей Иванович встал, достал сигареты и закурил:

– Я не мог и предполагать, что мы будем разговаривать с тобой на эту тему, что ты настолько взрослый человек, что сразу поймешь, что я пытаюсь от тебя что-то скрыть. Да, ты права. Здесь довольно много разного рода неувязок. И вот почему. Это дело закрыли и передали в КГБ. Была у нас раньше такая организация. Сейчас это, как тебе, наверно, известно, ФСБ. Так вот, трагедия, происшедшая с твоими родителями, каким-то образом связана с секретной информацией. И мне удалось чудом, спустя шестнадцать лет, кое-что откопать. Просто помогли друзья. И единственное, что мне удалось узнать, это то, что на месте аварии нашли маленькую девочку. Да еще про отпечатки пальцев. Больше – ничего. А спустя три месяца после того, как я это узнал, представь себе, увидел тебя по телевизору. Вернее, я увидел Лену. Свою сестру. Я сначала глазам своим не поверил, но потом поехал на телевидение, попросил показать мне еще раз пленку, выяснил, что ты из второго интерната, и приехал к вам. Теперь тебе хотя бы что-то стало понятно?

– Да. Что в нашей стране очень страшно жить. И что когда я окончательно встану на ноги и выучу пару языков, то непременно уеду отсюда. И если вы мне настоящий друг, – она чувствовала, что пьянеет, причем ужасающе быстро, – то поможете мне в этом. А теперь отведите меня в спальню. Я посплю, и мы с вами продолжим беседу. Хорошо?

Он снова взял ее за руку:

– Хорошо. Как же я счастлив, что нашел тебя. Теперь мне есть для кого жить. И поверь, я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе. Ты, может, еще не знаешь, но я уже успел кое-что для тебя сделать. Вот, смотри, – он достал из кармана какой-то листок, – я прописал тебя здесь. Теперь у тебя есть дом, и ты здесь полноправная хозяйка...

Она улыбнулась своим мыслям.

... – Ты встаешь или нет? – спросила Наташка, стаскивая с нее простынку. – Нам же еще надо успеть сложить твои вещи, а затем в парикмахерскую.

– У меня сегодня самый счастливый день.

Валентина потянулась, вскочила с кровати, подбежала к окну и, распахнув его, окунулась в зеленую теплынь шелестящей тополиной листвы, городского шума, птичьего гомона и жаркую солнечную прозрачность. Затем повернулась и увидела приготовленное с вечера белое кружевное платье, которое Сергей Иванович привез из Москвы, из салона «Нина Риччи», специально для ее выпускного. Здесь же на стуле стояли большая коробочка с шелковыми золотистыми туфельками, прозрачная сумка с косметикой, пакет с шоколадом, конфетами и печеньем, корзиночка с испанскими грушами, на которых голубели круглые крохотные наклейки, красная бархатная коробочка с сережками и кольцом – тоже подарки дяди.

– Девочки, просыпайтесь. Посмотрите, что я вам привезла! – И Валентина, подхватив пакет с конфетами, высыпала его содержимое прямо себе на кровать. – Здесь и вишни в шоколаде, и орехи, и миндаль. Мне просто не верится, что я ночевала здесь последнюю ночь. Таня, Марина, Светка, вставайте!

Весь день прошел в приятных хлопотах. В четыре часа все вещи Валентины были уложены в один чемодан, а она сама, с праздничной прической, которая обошлась ей в парикмахерской в двести тысяч рублей, уже помогала накрывать столы в столовой. В тот день она все воспринимала как сквозь пелену: голоса, смысл услышанного, запахи и звуки. Но чувствовала, что ей завидуют. И по-светлому, и по-черному. И знала, кто и как. Но продолжала порхать. Весь день с ее лица не сходили румянец и улыбка. Она просто кожей ощущала биение крови, которой было словно тесно в оболочке и которая рвалась наружу. Так и случилось: в пять часов у нее носом пошла кровь. Ее отвели в спальню и приложили к носу мокрое полотенце. «Хорошо, что она не успела еще надеть платье», – услышала она далекий голос Ларисы Дмитриевны.

А потом был выпускной. Торжественное вручение аттестатов, каких-то грамот. В зале было не много родителей, зато собрались все учителя, воспитатели, уборщицы, повара, врачи – все, кто постоянно находился рядом, кто по мере своих сил принимал участие в жизни этих выросших детей. Сами же выпускники выглядели растерянными и счастливыми. Но, с другой стороны, никто из них не знал, что они будут делать завтра: где жить и с кем, где учиться или

работать. Полная неопределенность при полном одиночестве. Те немногие родители, которые пришли в тот день взглянуть на своих детей, по большей части были рады, что им не придется кормить их, потому что они выросли и смогут сами заработать себе на жизнь. Были и такие, которые покинули зал в первые же минуты вручения аттестатов: ушли то ли от волнения, то ли из-за жгучего желания выпить. И только Валентина знала, что в двенадцать часов ночи за ней заедет Сергей Иванович на своем белом «Форде». Они договорились встретиться у главного входа учебного корпуса. Если же выпускников отправят покататься на набережную на автобусе, то Родионов последует за ними. В столовой столы ломились от салатов, закусок и горячего. На огромных блюдах высились горы яблок и бананов, апельсинов и свежей клубники. Звучала музыка, всем хотелось плакать и смеяться одновременно. Валентина в своем ослепительном платье танцевала с Вадимом, которого она не то что не ждала, а просто о нем забыла. Несколько танцев в Доме офицеров да один невинный поцелуй – вот и вся история их любви. Поэтому, увидев его, она сначала удивилась, но потом мысленно поблагодарила его за то, что он оказался таким внимательным и пришел поздравить ее.

– Ты же, кроме клубники и шампанского, ничего не ешь, – пробовал он заставить ее перекусить, но Валентина даже слышать ничего не хотела.

– Я позавтракала шоколадом, и мне этого достаточно. Пойдем-ка лучше потанцуем. – И она увлекла его за собой на танцевальную площадку, украшенную гирляндами огней, воздушными разноцветными шарами, пушистыми ветвями лиственницы и живыми цветами.

Наступила ночь. Валентина, пошатываясь, подошла к крыльцу, над которым горел фонарь. Здесь было тихо. Бал продолжался на другом конце территории интерната. Через пять минут за ней приедет Сергей Иванович. Но как медленно идет время. Как медленно.

– Валя! – услышала она знакомый голос и вздрогнула. Это он.

– Да, я здесь! Но я вас не вижу...

Он появился со стороны запертой калитки, и Валентина поняла, что ее спортивный дядя легко перемахнул через забор, а ведь она так переживала, что ключ от калитки потерялся. Она искала его, но потом поняла, что бесполезно.

Он был в белом костюме. Красивый, элегантный. Подошел к ней, улыбнулся и поцеловал в щеку.

– Поздравляю, Валечка. Какая ты красивая. – Он обнял ее. И снова, как и в первый раз, ее удивило то, что он слишком сильно схватил ее за плечи, словно повис на ней. Валентина попыталась пошутить, но он становился все тяжелее и тяжелее. Она попыталась заглянуть ему в лицо. Из последних сил придерживая тело дяди, она подняла голову и увидела его удивленные глаза и слабую улыбку, медленно сползающую с губ и превращающуюся в гримасу невыносимой боли.

– Что с вами? Вам плохо? – Валентина вместе с ним опустилась на траву и заметила, что ее платье вымазано кровью. Сергей Иванович лежал, положив голову ей на колени. Он был мертв.

Очевидно, в тот момент, когда он попытался обнять ее, пуля попала ему в спину. Его белый костюм был тоже в крови. А глаза продолжали смотреть на Валентину. Она осторожно положила его голову на землю, поднялась и, всматриваясь в черноту зарослей, которые плотным кольцом окружали интернатский двор, закричала, давясь слезами:

– А меня?! Вы забыли убить и меня! Где вы, убийцы? Я вас ненавижу!..

Глава 2 «УМЕРЕТЬ ОТ ЛЮБВИ»

Логинов позвонил в полдень и сказал, что заедет за ней в семь часов и поведет в ресторан.

– Логинов, ты, случаем, не сошел с ума? Ты меня ведешь в ресторан? Это надо где-нибудь записать.

– Запиши. Только не обольщайся. У меня там одно дело. Связано, кстати, с тобой.

– Со мной? А при чем тут я? Может, ты забыл, что я решила окончательно выпасть из своей социальной ниши, уйти на дно. Игорь, ты меня слышишь?

– Очень плохо. Потому что Сапрыкин жужжит над моим ухом, он хочет передать тебе привет и напрашивается на ужин. Что ему сказать?

– Скажи, что я его очень люблю и что парочка домашних котлет всегда в его распоряжении.

– Слышишь, Сапрыкин? А ты все ходишь холостой. Наташа, он хочет на тебе жениться.

– Передай ему, что я не собираюсь замуж ни за тебя, ни за него. Вы классные парни, но я предпочитаю свободу во всем.

– Ой, не люблю я эти разговоры.

– Я тоже. Но хочу, однако, предупредить, что, если ты собрался в ресторан и решил меня использовать в качестве приманки или средства для добывания информации, забудь номер моего телефона, понятно?

– Нет. Я вообще понимаю тебя с трудом. Ты – очень сложная женщина. Вот Сапрыкин того же мнения. Короче, ты меня поняла? В семь я за тобой заеду.

– Хорошо. Только учти, если в ресторане будет холодно, я уйду. Ты знаешь, я не переносу холода.

– Возьми с собой свою накидку, это будет просто шикарно. Позже поймешь почему. – Наталии показалось, что Логинов всерьез боится, что она уйдет из ресторана. Вот и хорошо, пускай так думает.

Она посмотрела на часы. У нее была масса времени. Для начала не мешало бы отмыть руки: Логинов позвонил ей как раз тогда, когда она закончила месить тесто. У нее было прекрасное настроение, хотелось, чтобы и дальше жизнь текла медленно и спокойно и продолжала радовать ее своей безмятежностью. Основная радость, конечно, заключалась в том, что Наталия в сентябре не вышла на работу.

Преподаватель сольфеджио и музыкальной литературы да еще успевавшая на досуге давать частные уроки игры на фортепиано, Наталия Орехова, проведя полтора месяца за границей, в частности на Багамских островах, в Германии, Австрии и Голландии, решила, что тот образ жизни, который она вела прежде, лишь укорачивает жизнь. Работа – вот источник ее неприятностей и разочарований и убийца ее драгоценного времени. Кроме того, быть музыкантом в России почему-то стало непрестижно. Им мало платили (если вообще платили), государство про них забыло, кроме того, резко сократилось число желающих брать уроки. Научиться играть «для души» – а это было в свое время очень модным, и люди не жалели денег на частных учителей – никто не хотел. А если вернее, то попросту не мог. В стране царил хаос, закрылись заводы и фабрики, интеллигенция встала за прилавков и научилась обвешивать соотечественников. Надо было выживать. И здесь уже не до души.

С Наталией могло бы случиться то же самое, но в один прекрасный день она обнаружила у себя довольно странный дар, развить который ей удалось найти другой, радикальный способ зарабатывания денег. Он заключался в том, что в тот момент, когда она садилась за рояль и начинала музицировать, мысль, одолевавшая ее в тот момент, давала пищу почти осязаемым, фантастичным по своей образности и правдоподобности видениям, которые позволяли ей либо предотвратить преступления, либо по каким-то только ей ведомым логическим и зрительным нитям найти того или другого человека. И если раньше она этого дара стыдилась и старалась лишний раз не говорить о нем своему другу, прокурору города Игорю Логинову, даже если и чувствовала, что просто обязана помочь ему предотвратить беду, то вскоре приняла решение, позволившее ей остаться с чистой совестью, во-первых, а во-вторых, довести до конца начатое дело самостоятельно. И в-третьих, ей удавалось зарабатывать неплохие деньги.

Таким образом, получалось, что они действовали с Логиновым параллельно, а иногда и синхронно. Причем прокурор, принципиально отменявший подобного рода подсказки со стороны Наталии, действовал практически всегда с опозданием, поскольку преступления попадались сложные, требующие огромного количества информации, добыть которую человеку с обычными способностями подчас бывало невозможно. И вот тогда незаметно подключалась Наталия. Она связывалась с Арнольдом Манджиняном или Сергеем Сапрыкиным – помощниками Логинова, всегда готовыми с радостью помочь хорошенькой и сумасбродной подруге прокурора, которая была так не похожа на остальных женщин и с которой приятно было просто поговорить. Они завидовали своему шефу и при случае старались намекнуть ему о том, что если бы не Наталия со своим расследованием, то, возможно, не было бы такого результата: ведь Логинов-то считал, что преступления раскрываются лишь благодаря ему – представителю официального, прокурорского следствия и профессионалу, наконец.

Профессионализм – единственный козырь, которым располагал Логинов, дополнял интуитивные, основанные на видениях решения Наталии. Но, понимая, что каждому свое, она не собиралась заниматься всерьез юриспруденцией, а потому делала все, что взбретет ей в голову, и совершала самые безрассудные поступки, какие только можно было себе представить.

Логинов видел только чисто внешнюю сторону жизни Наталии – полное безделье, время от времени заполняемое домашними делами, да непомерное любопытство, порой выводящее его из себя. Он и представления не имел о тех баснословных суммах гонораров, которые она получала благодаря своей «деятельности» в тандеме с прокурором.

К ней обращались в основном через ее приятельницу Сару Кауфман, женщину умную, решительную и не брезговавшую никакими средствами для достижения своей цели. А цель у Сары была одна – деньги. И против этой формулы, против этого жизненного принципа, подсказывающего Наталии то, что лишь с помощью денег возможно решение практически всех жизненных проблем, сложно было найти какой-нибудь другой контрдовод. И в этом было главное принципиальное расхождение Наталии с Логиновым, действовавшим по своим собственным правилам, которые основывались на чести, совести и справедливости. Деньги были нужны Логинову постольку поскольку, главным для него в жизни являлось выполнение своего долга. И Наталию это смешило, но подчас и раздражало. Она видела в этом проявление какого-то даже инфантилизма, однако тем не менее любила своего прокурора, хотя и обманывала его постоянно.

Но самым крупным ее обманом, конечно, была поездка за границу, о которой Логинов даже не догадывался, будучи уверенным в том, что его подруга провела полтора месяца в деревне у тетки. Великолепное норковое манто, которое Наталия купила в Вене и которое обошлось ей в три тысячи долларов, она представила Логинову как искусственный мех, и он поверил. Настоящие бриллианты, появившиеся у нее в большом количестве на пальцах, она называла хрусталем – реакция Логинова была та же. Иногда, в ее кошмарных снах, Логинов разговаривал с ней совершенно по-другому. Он стучал кулаком по столу, топал ногами и называл ее самыми последними словами. Она просыпалась в холодном поту и с ужасом смотрела на мирно спящего рядом Игоря, боясь, что сейчас он проснется, чтобы то, что он говорил ей во сне, повторить наяву.

Но время шло, все оставалось по-прежнему. Наталия теряла бдительность и с каждым днем все больше и больше сомневалась в профессиональных способностях своего прокурора. Зато у нее не было причины сомневаться в других способностях Логинова. Он был очень нежным и внимательным любовником, мужчиной, который приносил ей радость. Однако после того как она объявила ему о своем намерении бросить работу в музыкальной школе, мотивируя это тем, что у нее там сложилась конфликтная ситуация с начальством, Логинов все же заметил ей, что она поступает крайне легкомысленно, что «у человека должна быть постоянная работа, без этого нельзя», что «надо срочно подыскивать другую работу, но не бездельничать и сидеть без денег». «Боже, как это скучно, Логинов». Прошло два месяца, но Наталия так никуда и не устроилась. Не хотела, потому и не устроилась. Логинов же жалел ее и при каждом удобном случае обещал помочь подыскать хорошее место.

Вспомнив все разговоры на эту тему, Наталия улыбнулась. Она достала из духовки пирог, села за стол и почувствовала, что ее клонит в сон. Давно она так не отдыхала. И душой и телом. Не было клиентов, не было стимула вообще выходить из дому, было только неистребимое желание спать, читать и изредка сходить в кино. Вечерами она ждала возвращения с работы Логинова, кормила его, выслушивала его рассказы о прожитом дне и иногда даже завидовала бешеному темпу его жизни. Но сегодня будет повеселее. Он пригласил ее в ресторан. Он, человек, считавший, что в ресторан ходят сегодня только пресытившиеся бритоголовые юнцы, так называемая «братва», представители мелкого бизнеса, «которым ничего не стоит перестрелять человек пятьдесят зараз», вдруг решил сводить ее в это «гнусное место, где приличным людям делать нечего». С чего бы это?

В семь часов Наталия, надев свое любимое зеленое платье с блестками и уложив длинные светлые волосы таким образом, чтобы выглядеть слегка растрепанной и небрежной – ее любимый стиль, – накинула на плечи норковое манто шоколадно-песочных оттенков, подушилась

горькими японскими духами «Черная ночь» и стала ждать. Логинов опоздал всего на каких-нибудь сорок минут.

– Ты готова? – Он ворвался в прихожую, взял Наталию за руку и потащил за собой. – Все, поехали, мы опаздываем.

Она резко выдернула руку и сказала, что никуда не поедет.

– Ты опоздал на сорок минут. Ты меня не уважаешь, а я тебя, соответственно, не люблю. Сейчас надену пижаму и лягу спать.

Но он уже подхватил ее на руки и вынес из квартиры.

– Постой спокойно, я запру твои многочисленные двери, а то ограбят еще.

И она сдалась. Она снова и снова входила в его положение. Она понимала, что он занят, но мириться с его постоянными опозданиями было трудно.

– Ресторан «Европа», – сказал Логинов своему водителю, который, невольно обернувшись, успел лишь заметить голое колено Наталии и скользкую по нему ладонь шефа. – И нечего смотреть сюда. Не видишь, люди отдыхают.

Наталия от такой пошлятины больно ущипнула его за бедро и поклялась найти себе более воспитанного любовника.

– Господи, как это здорово, сидеть вот так за столом с накрахмаленной скатертью и наслаждаться тем, что за тобой ухаживают, кормят вкусной едой и во всем стараются угодить. Повезло же тебе, Логинов, у тебя эта ресторанная жизнь длится вот уже более двух лет, с тех самых благословенных пор, как ты познакомился с дурочкой по имени Наташа, ублажающей тебя с утра до ночи пирожками да борщами. Вот тоска. Все, решено, теперь я буду питаться только в ресторане.

Они сидели за столиком прямо возле сцены и ждали, когда к ним подойдет официант. На столиках горели маленькие лампы с шелковыми гофрированными абажурами малинового цвета, отчего скатерти казались розовыми, а напитки в графинах светились изнутри рубиновым светом. Такого же оттенка были и фрукты, и даже лица и голые плечи женщин. Мужчины же, казалось, пришли сюда уже навеселе, и их физиономии по цвету напоминали жареные каштаны. И только Логинов был примерен в своей бледности и трезвости. На него было смешно смотреть.

– Знаешь, Игорь, чувствуется, что ты здесь не в своей тарелке. – Наталия откровенно похотывала над чопорным и не в меру серьезным спутником. – Давай закажем «Кампари» для начала. А потом виски или, на худой конец, армянского коньяка.

– Книжек, что ли, начиталась? – Логинов ослабил галстук и принялся изучать меню. – Послушай, если эти цены в рублях, то я, пожалуй, угощу тебя лишь бутербродами и пивом, если же в долларах – придется съесть вот эти фрукты, что на столе, выпить этот розовый компот из графина и ограничиться хлебом с солью и перцем...

– ...с горчицей и уксусом, ты забыл... – поддержала его Наталия. – Дело в том, что здесь даже не в долларах, а в фунтах стерлингов, а это уже не поддается исчислению в рублях. Может, сразу и пойдём? Зачем людей беспокоить?

Пока они беседовали таким вот образом, к ним подбежал худенький, холерического типа официант.

– Игорь Валентинович, она пришла, – прошептал он и поставил на стол блюдо с мясным ассорти и копченого угря.

Логинов молча кивнул и повернулся в сторону входной двери. Наталия, потрясенная увиденной сценой с официантом, тоже посмотрела на вошедшую высокую женщину в черном вечернем платье. Она узнала ее, но решила об этом промолчать, с интересом ожидая, что же будет дальше и когда же наконец она узнает истинную причину, заставившую Логинова пригласить ее в ресторан.

– Подожди минутку, хорошо? – проговорил Логинов и, чуть не опрокинув стол, бросился навстречу женщине. Через минуту он представлял ее Наталии:– Знакомьтесь, Дора, а это – Наталия.

– Очень приятно, – улыбнулась Наталия Доре, дочери Бланш, директрисы музыкальной школы, из которой она уволилась два месяца назад. Дора, как и ее мать, была пианисткой и работала завучем одной из самых престижных в городе музыкальных студий. Вот наконец все и прояснилось: Логинов решил вплотную заняться устройством Наталии на работу и организовал эту чудовищную по своей нелепости встречу. Наталия была знакома с Дорой еще по хоровой студии, где какое-то время они, еще девочками, занимались в одной группе.

– Так вот о какой безработной шла речь, – засмеялась громкоголосая Дора, усаживаясь за их столик. Розовокожая, холеная, с рыжей гривой, рассыпанной по плечам, с чуть выпуклыми голубыми глазами, Дора, можно сказать, водрузила свою непомерно большую грудь на столик и попросила Логинова налить ей «чего-нибудь выпить». – Наталия, ты зачем ушла от мамы? Она до сих пор в себя прийти не может, все гадает, чем же могла тебя обидеть.

– Скажи ей, что дело во мне и моей природной лени. Она поймет. Я просто не создана для этих дел. Каждый день объяснять одно и то же, ставить руки и считать: «И раз, и два, и три, и четыре...» Я схожу с ума от однообразия жизни. А вы что, знакомы с Игорем?

– Конечно. Еще со школы, правда, Игорек? Только теперь он стал важной птицей и не заходит к нам, как раньше. Наши родители дружили.

– Скажи, неужели ты пришла сюда только ради меня? – прямо спросила Наталия, поскольку знала, что с Дорой можно особо не церемониться. Она все понимала с полуслова и была на редкость приятна в общении.

– Нет, конечно. Мы сняли банкетный зал, там за стеной, – она махнула рукой куда-то в сторону, – у моего мужа юбилей. Там такая скукотница, все толкают тосты и дарят микроволновки, как сговорились. Но у нас с Игорьком была договоренность. Так что, подруга, хочешь работать у меня?

– Пока – нет. Но как прижмет, приду, если не возражаешь.

– Приходи, нам теоретики всегда нужны. Только плачу мало, по госрасценкам, так сказать.

Логинов, слушая их, явно злился и крошил булочку прямо на скатерть. Пришел официант и принес «Кампари». Наталия окончательно развеселилась. «Он, похоже, заболел. Надо же, раскрутился на „Кампари“...» – подумала она, а вслух сказала:

– Я теперь сижу на шее нашего драгоценного прокурора и болтаю ножками: он меня кормит, поит, одевает и обувает. И вообще, я считаю, что женщина не должна работать. Я горячая противница эмансипации со всеми вытекающими отсюда последствиями. – С этими словами она выпила и подмигнула Доре.

– Отличная штука, – произнесла на выдохе Дора, последовав ее примеру, – «Кампари»... Надо заказать и нам на стол... ну все, ребята, мне пора. Приятно было с вами встретиться и поболтать. Что касается работы, то ты, я надеюсь, все поняла. Двери моей студии, кстати, скоро она будет называться школой искусств, всегда для тебя открыты. То же самое, между прочим, просила передать тебе моя мамуля.

И Дора ушла, шелестя оборками своего шелкового черного платья. Логинов набросился на угря и всем своим видом выражал крайнюю степень недовольства: его старания оказались напрасными.

– Логинов, не бузи, давай лучше послушаем музыку.

И действительно, пока они разговаривали с Дорой, на небольшую, освещенную прожекторами круглую сцену вышла девушка в коротком блестящем платье. Светловолосая, с фигурой манекенщицы, она взяла в руки микрофон и запела под неплохую фонограмму песню Шарля Азнавура. В ресторане сразу все попритихли. Она пела на французском, но Наталия сразу же вспомнила русский текст, и почему-то на глаза ее навернулись слезы: «По краю пропасти, по краю, иду и с пропастью играю, и умираю от любви, пойми, пойми...» Да, эта песня так и называется – «Умереть от любви». Очень редко бывает так, что, когда слушаешь музыку, все окружающее как бы теряет всякий смысл. Так случилось и теперь: девушка пела, и все в зале забыли, зачем пришли. Существовала только музыка и эта нежная маленькая женщина с грустными глазами и гортанным, с хрипотцой, доводящей слушателей до озноба, голосом. Грасирующее «р» придавало песне неповторимый привкус парижской жизни, его ночных огней и невидимого, но осязаемого присутствия Эдит Пиаф. Такие ассоциации... Наталия почему-то разволновалась и, даже когда девушка под аплодисменты ушла со сцены, продолжала находиться в каком-то странном сомнамбулическом состоянии.

– Хорошо поет, – услышала она голос Логинова и окончательно пришла в себя.

– Послушай, а ты мне говорил, что в ресторанах сейчас делать нечего, что в них набивается сомнительная публика, вооруженная до зубов и готовая изнасиловать все, что движется.

– Так оно и есть. Я вообще не знаю, откуда здесь эта певица.

– Но она не профессионалка, ты уж мне поверь.

– Да какая разница. Главное, что за душу берет. Да и красивая, согласись.

– Соглашусь. Знаешь, Игорь, ты извини, что так вышло с Дорой, но мне действительно не хочется работать. Я накопила немного денег и могу пожить спокойно примерно с год. Я очень благодарна тебе за беспокойство, но в следующий раз, перед тем как сводить меня с кем-нибудь, предупреждай, хорошо? А то еще вздумаешь меня выдать замуж за кого-нибудь, а со мной не посоветуешься.

– Как это замуж? – не понял шутки Логинов. – Замуж ты можешь выйти только за меня. Хоть завтра.

Она сделала вид, что не расслышала его последних слов и вновь повернулась к сцене, где на этот раз девушка появилась уже в длинном красном платье с разрезом и красной же прозрачной шали на плечах. Она на этот раз пела русский романс «Эта темно-вишневая шаль». У нее было превосходное произношение, совершенная дикция и удивительно приятный тембр голоса.

– Наташа, если ты еще не поняла, то я могу повторить. Ты слышишь меня? – Логинов тоже говорил каким-то не своим голосом, он явно волновался. – Я же делаю тебе предложение, ты понимаешь это? Мне надоело чувствовать себя в твоём доме гостем. У меня пустая квартира, огромная, двухэтажная, переедем ко мне.

Наталия посмотрела на него так, словно только что заметила, что сидит за столиком не одна, и удивленно вскинула брови:

– Я никуда не поеду... а насчет остального – надо подумать.

Ночью, когда Логинов уснул, так и не дождавшись ее ответа, она выскользнула из-под одеяла, набросила на себя халат и заперлась в кабинете. Вот уже пару месяцев здесь рядом с небольшим кабинетным роялем соседствовало маленькое немецкое пианино с серебряными канделябрами. Наталия купила его случайно у одного опустившегося человека, бывшего музыканта, скрипача, а теперь просто алкоголика Борисова, за сто тысяч. Пригласила настройщика, но оказалось, что инструмент безнадежен и никогда уже не зазвучит. И вот теперь инструмент стоял как укор ее безрассудству: бесполезный в своей эйфорической дешевизне и постоянно напоминающий Наталии о спившемся Борисове. Ей даже казалось, что от этого инструмента пахнет дешевым вином или водкой. Но она пришла сюда ночью вовсе не для того, чтобы лишним раз убедиться в его никчемности. Она пришла, чтобы подумать, расслабиться и заодно поиграть.

Дело в том, что совсем недавно она поняла, что видения, которые посещали ее и которые являлись частью ее подсознательного, спрятанного ото всех мира, стали как бы приглашать ее на свои сеансы. Она чувствовала это даже уже как физическую потребность и старалась в таком состоянии непременно сесть за пианино, рояль или любой другой клавишный инструмент, находящийся в это время у нее под рукой. Так было и на этот раз. И она уже приблизительно знала, с кем эти видения будут связаны. Да, у нее из головы не шла та молоденькая певица из ресторана. Несмотря на кажущуюся раскованность и тот ресторанный флер, который придавали девушке вечернее платье, сама обстановка ресторана и подвыпившая публика, что-

то в ее взгляде было трагическое. Что-то неуловимое сквозило в ее движениях, что наводило на мысль об обрушившемся на нее несчастье.

Она села, закрыла глаза и коснулась пальцами клавиш. Нежный минорный аккорд напомнил ей начало песни «Умереть от любви».

– По краю пропасти, по краю... – произнесла Наталия в такт музыке и вдруг почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Она раскрыла их и, к своему величайшему удивлению и восхищению, увидела себя сидящей в большой уютной комнате за пианино. Там находились еще несколько человек: молодой мужчина с черными волнистыми волосами и голубыми глазами, красивый, похожий на Алена Делона, еще один мужчина, чуть постарше, с коротко постриженными волосами и настолько одухотворенным лицом, что его можно было принять за поэта. Но восхищение вызвала девушка в красном платье, сидящая, как и она, Наталия, за пианино и поющая эту же азнавуровскую песню.

Наталия уже начала привыкать к тому, что присутствует в своих видениях как некая прозрачная субстанция, через которую могут спокойно проскальзывать тени... поскольку все, что она видела, и было сонмом теней прошлого, настоящего и даже будущего. И девушка, сидящая за инструментом, выглядела точной копией певицы из ресторана. С той лишь разницей, что сейчас она была беременна. Красное платье плотно облегалo круглый, как мяч, и какой-то узкий живот, который казался лишним на этой хрупкой и стройной фигурке. А то, что у нее была хорошая фигура, было видно даже по той позе, в которой она находилась. Мужчины смотрели на нее влюбленными глазами; тот, что постарше, кивал головой в такт песне, а похожий на Делона, казалось, был просто потрясен красотой девушки.

Когда Наталия закончила играть и опустила руки на колени, слезы сплошным потоком струились у нее из глаз. Очевидно, какая-то невыразимая печаль имела место в истории этой певицы. Может, у нее погиб ребенок или она потеряла кого-то из близких? Такая молоденькая...

Она вернулась в постель и обняла спящего Логинова. Прижалась к нему и подумала о том, что надо все же радоваться каждой минуте, проведенной с любимым человеком, и нельзя требовать от него невозможного. Да, у него масса недостатков, но его приход всегда доставляет ей радость, а ведь это невозможно измерить никакими деньгами. Уже засыпая, она решила для себя, что завтра же утром займется поисками этой девушки. В ресторане наверняка кто-нибудь да должен знать, где она живет. Может, удастся узнать о ней и еще что-нибудь, кроме адреса...

Глава 3

СМУТНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Ресторан «Европа» справедливее было бы назвать каким-нибудь более провинциальным и затрапезным словом, но хозяева, видимо, поставив в центре зала картонную башню, издали напоминавшую жалкую копию Эйфелевой, сочли это вполне достаточным для того, чтобы вот так выпендренно заявить о своей забегаловке всему городу. Ресторан открывался в двенадцать часов, это Наталия успела выяснить по телефону. Поэтому в десять минут первого она уже входила в светлый и просторный зал и являлась конечно же первой посетительницей. Она села за тот же столик, за которым они сидели накануне с Логиновым, и стала ждать, когда к ней кто-нибудь подойдет. Наконец она увидела вчерашнего холеричного официанта и по выражению его лица поняла, что он ее узнал. Судя по всему, он работал на Логинова и наверняка выполнял какие-нибудь его поручения. Агент «ноль-ноль-семь». Скорее всего, бывший зек или одной ногой в тюрьме.

– Добрый день. Решили у нас пообедать?

– Здравствуй. Я пришла вообще-то по делу, но раз тебе так хочется меня накормить, то принеси что-нибудь рыбное и легкое.

Он вернулся через пять минут с лососем с шариками масла на тарелке и большим персиком.

– Персик от меня, – улыбнулся он.

– У меня к тебе большая просьба. – Наталия нарочно сделала паузу, чтобы до этого маленького человечка,двигающегося, словно на шарнирах, дошел смысл сказанного и чтобы он проникся всей ответственностью момента. – Вчера здесь пела девушка в красном платье. Ты знаешь ее? Кто она и где живет? Я хочу показать ее одному очень известному певцу, который скоро приедет в наш город. Я бы могла организовать ей мастер-класс, ты знаешь, что это значит?

– Если честно, то нет.

– Так что тебе известно о ней?

– Ее зовут Валентина. Кострова. Она у нас всего неделю. Где живет, могу просто объяснить. Знаете дом в центре, напротив сквера, там еще живут все начальники, бывшие мэры и генералы? Квартира три.

– Она живет там?

– Да, я сам лично ее провожал пару дней тому назад, помогал ей нести пакет с фруктами.

– Ты что-нибудь о ней знаешь?

– То же, что и все: живет одна и почти ни с кем не общается, не пьет, не курит, равнодушна к мужчинам. А что еще можно сказать про человека, которого видишь только по вечерам? Да и то всего неделю. Но поет она классно. Все замолкают, когда она начинает свою песню, особенно на французском. Не уверен, что она знает его в совершенстве, но так, кое-чего смыслит.

– Она тебе нравится?

– А кому она не понравится? Жаль только, что попала в ресторан, а не на настоящую сцену.

Наталия улыбнулась. С каждой минутой этот официант нравился ей все больше и больше.

– Тебя как зовут?

– Валера.

– Спасибо тебе, Валера. Можешь идти.

Она съела несколько кусочков лосося, а персик положила в сумку. Затем подозвала Валеру, расплатилась с ним и, сказав на прощание, что теперь будет почаще навещать сюда в обеденное время, поехала на Театральную.

Остановившись перед дверью, Наталия, как всегда, еще не знала, что скажет и как объяснит девушке свой внезапный приход. Но рука поднялась, и указательный палец решительно надавил на кнопку звонка. Несколько секунд – и голос за дверью спросил:

– Кто там?

– Вы меня не знаете. Я бы хотела поговорить с Валентиной Костровой.

После небольшой паузы послышался лязг открываемых многочисленных засовов, затем дверь распахнулась, и на пороге возникла Валентина. Она была в мужской рубашке в голубую клетку, с закатанными рукавами и лапами, доходившими до середины бедер. Прямые светлые волосы собраны на макушке смешной заколкой из шелковых ленточек наподобие крыльев бабочки или красного цветка. Совершенно детское лицо, большие грустные глаза с сиреневатыми кругами и бледные губы. Домашний вариант ресторанной певицы импонировал Наталии куда больше: «Она же совсем еще девочка...»

– Меня зовут Наталия Орехова. Я должна извиниться за столь неожиданный визит, но мне с вами необходимо поговорить.

– Проходите. Не надо церемоний, можете все выкладывать мне как есть. Но должна предупредить, если речь идет о квартплате, то я только вчера утром заплатила все сполна. А если вы насчет продажи квартиры, то можете передать: она не продается.

– А если я совсем по другой причине, связанной, скажем, с вашими данными, тогда как?

– Тогда проходите. – Она пропустила ее в квартиру и тщательно заперла обе двери. – Можете не разуваться, я все равно приготовилась пылесосить. Завтра куплю мастику для паркета. Так что – вперед.

Наталья проследовала за ней в гостиную, роскошно обставленную комнату, напоминавшую музей, и села в предложенное ей кресло. Валентина села напротив.

– Так о каких моих данных вы собираетесь со мной разговаривать? Вы случайно не из «Москвы»?

– Вы имеете в виду ресторан?

– А что же еще?

– Нет. Я вчера была в том ресторане, в котором вы поете... У вас прекрасный, оригинальный голос, и мне кажется, что вы должны учиться. Я понимаю, мои слова звучат весьма странно, ведь мы же совсем не знакомы, но я, после того как услышала ваше пение и увидела вас, долго не могла прийти в себя. Мне кажется, я могла бы вам помочь. Такая девушка, как вы, не должна петь в ресторане. Вы испортите голос и поломаете свою судьбу. Пьяные физиономии – не совсем та публика, согласитесь?

– У меня не было выбора. Я недавно похоронила единственного близкого человека, и теперь мне необходимо зарабатывать себе на жизнь.

– И сколько же вам там платят, если не секрет?

– Десять тысяч в час, не считая тех денег, которые мне бросают на сцену пьяные мужики. За неделю вот заработала около пятисот тысяч рублей.

– А что вы скажете, если я предложу вам вполне сносную стипендию, скажем, с тем, чтобы вы имели возможность брать частные уроки вокала?

– А вам-то это зачем?

– Не знаю. Еще не знаю. Но мне бы хотелось с вами подружиться.

– Тогда вы напрасно сюда пришли. Меня не интересуют женщины.

– Нет-нет, что вы! Вы меня не так поняли. Я хочу вам добра. Кроме того, у меня относительно вас... Послушайте, вы хотели, чтобы я все выложила вам начистоту. Тогда слушайте. Я – экстрасенс, вернее, не совсем так, но у меня есть некоторые способности. Вчера ночью я видела очень странный сон и хотела бы вам его рассказать. Он имеет отношение к вам. Поверьте, в моей жизни уже не раз случалось такое, что мое вмешательство кому-то спасало жизнь, а кому-то честь или деньги.

– Вы хотите сказать, что можете угадывать будущее? В эти сказки я тоже не верю. Но про сон послушать интересно.

– Я видела вас играющей на пианино, в окружении двух мужчин. Вы были в красном платье, как вчера, но только... у вас был большой живот. Вы были беременны. Понимаете, мне никогда ничего не снится просто так. Если были эти видения, значит, и эта картинка имела место быть. Либо в прошлой жизни, либо в настоящей, либо вас это ожидает в будущем. Но это еще не все. Мне страшно за вас. Я чувствую грозящую вам опасность, но пока не могу сказать, откуда она исходит. Только не принимайте меня за сумасшедшую. У меня есть масса доказательств относительно того, что я говорю правду. В нашем городе несколько человек остались в живых только благодаря мне.

– Нет, отчего же, я вовсе не считаю вас сумасшедшей. У каждого свой дар. Но я не совсем понимаю, что вы хотите от меня?

– Пока ничего. Прошу только – доверьтесь мне. И еще: будьте осторожны.

Валентина посмотрела ей в глаза и дрогнувшим голосом произнесла:

– А разве вы не заметили, как я осторожна? Вы видели, сколько замков на этих дверях? Я потратила кучу денег, чтобы только их взрезать. Но я не могу довериться вам. Я вас не знаю, и поэтому вам лучше уйти.

Было видно, что она колеблется: с одной стороны, ей было крайне неудобно перед незнакомкой, которая вроде бы желает ей добра, но, с другой стороны, как объяснить ей, что она уже забыла, когда спокойно спала?... Что по ночам ее мучают кошмары, что она кричит и вскакивает с постели, когда видит направленное на нее дуло огромного черного пистолета.

Наталия резко поднялась и почти побежала к выходу. «Все получилось очень грубо», – сказала она себе, на ходу обувая высокие меховые ботинки. Лицо ее горело, от неловкости она не знала, куда себя деть.

– Подождите, не уходите, – Валентина дотронулась до ее плеча, – извините, но я совсем запуталась... – И она вдруг, не выдержав наплыва чувств, разрыдалась.

– И что говорит следователь? – Наталия заставила Валентину выпить еще несколько глотков воды и достала из сумочки чистый носовой платок, потому что платок Валентины был уже насквозь мокрый от слез. Они не заметили, как наступил вечер. За эти несколько часов Наталия узнала об этой девушке так много, что теперь чувствовала себя ответственной за все то, что с ней происходит или может произойти в любую минуту. Одно было определенным: нервная система Валентины была расшатана до предела.

– Следователь? – Валентина рассеянно посмотрела по сторонам, словно ища в гостинной следователя. – Ничего. Сказал, что, мол, ищем. Но я им не верю. Я сижу дома, трясусь день и ночь от страха и выхожу лишь только затем, чтобы отработать свои положенные часы в ресторане.

– Но почему в ресторане? Ты пробовала найти что-нибудь более подходящее? Ведь ты такая молоденькая. Тебе не страшно? – Наталия осеклась, вспомнив, что слово «страх», пожалуй, самое повторяющееся из всего лексикона девушки.

– Но ведь я же ничего не умею. А пою я, как мне говорили мои воспитатели, почти с рождения. Я знаю много песен. Когда нам выдавали деньги, девчонки проедали их, а я покупала на них песенники. У нас была хорошая учительница музыки. Одинокая женщина. Она, чтобы не возвращаться в пустую квартиру, почти жила в интернате и выучила меня и еще одну мою подружку нотной грамоте. В актовом зале стоял рояль, и мы с ней довольно часто занимались. С листа я читаю, конечно, плохо, но подобрать могу практически любую мелодию.

– А откуда знаешь язык?

– Эльза Францевна научила. Она преподавала у нас немецкий, а по вечерам собирала нас, нескольких девчонок, и мы учились разговаривать по-французски. Она говорила, что этот язык может облагородить любую речь. Она жила во Франции, а потом, когда умер ее муж, вернулась в Россию. Ей было много лет, но она всегда хорошо одевалась и учила нас многому. Как держать вилку, к примеру, как вести себя в обществе, как сделать так, чтобы никто не догадался, что мы интернатские. Вы понимаете, о чем я говорю?

Наталия понимала. Как понимала она и то, что Валентину нельзя оставлять одну в этой пустой квартире, где так и не суждено было сбыться ее мечте пожить с родным ей человеком и почувствовать на себе его заботу. Кроме того, стала несостоятельной идея пойти учиться. Речь шла о выживании, о здоровье, об элементарном способе зарабатывания денег. И тут Валентине нельзя было отказать в здравом уме: ресторан находился в двух кварталах от ее дома, так что не приходилось тратиться даже на транспорт, цены на который повысились недавно вдвое.

– Мне очень хочется тебе помочь, но не знаю, как ты отнесешься к тому, что я тебе сейчас предложу.

Валентина подняла на нее свои ставшие зеленовато-прозрачными от слез глаза и вскинула брови.

– Брать частные уроки пения? Это нереально.

– Нет, не угадала. Я хочу пригласить тебя к себе. Поживешь некоторое время, успокоишься, а я в это время попытаюсь что-нибудь узнать о твоих родителях и дяде.

– Нет. Буду зализывать раны сама. Я привыкла. Мне было тяжело, когда умерла Эльза Францевна, когда уехала Маргарита Николаевна, учительница музыки. Но прошло время, и мы перестали плакать. Время, как известно, лучший лекарь. Хотя конечно же по ночам здесь страшно.

– А тебя не навещают его друзья или знакомые? Те, что были на похоронах?

– Нет. Думаю, что они даже не догадываются, кем я приходилась Сергею Ивановичу. Кроме, правда, одной особы... Ее зовут Ольга Константиновна. Она приходила несколько раз после смерти Сергея Ивановича. Просила разрешения взять свои вещи.

– Какие еще вещи? – насторожилась Наталия. – Она что, жила здесь?

– По-моему, они были любовниками или кем-то в этом роде. Она чуть помладше дяди.

– И ты разрешила?

– Нет. Я сама собрала все женские штучки, какие только нашла в квартире, позвонила ей – она оставила мне телефон – и, когда она пришла, отдала ей лично в руки. Она в подъезде проверяла, все ли на месте, а потом ушла. Можете себе представить, как ей это не понравилось. Но я не хотела, чтобы кто-то здесь хозяйничал и рыскал по шкафам. Я же не глупая и понимаю, что она могла украсть все что угодно. У нас в интернате воровали, но мы, когда ловили, наказывали. И довольно жестоко.

– Били?

– Били.

В комнате стало тихо. Наталия думала о том, как удивительно сочетаются в Валентине природный ум и врожденная интеллигентность с замашками сорвиголовы, разбитной девочки, брошенной судьбой в водоворот взрослой жизни и отчаянно борющейся за свое право быть счастливой.

– Вы спрашивали, не осталось ли у меня фотографий мамы? – прервала тягостную тишину Валентина и легко поднялась с кресла. – Сейчас я принесу вам фотографии, которые и позволили моему дяде доказать нашу родственную связь. Вы сейчас увидите мою маму, его родную сестру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.